

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ РИЖСКОЙ ТЮРЬМОЙ И ГУАНТАНАМО

ЧЕТЫРНАДЦАТОГО июля 2026 года состоялось очередное заседание Курземского окружного суда, на котором рассматривался вопрос о применении ко мне пыток полицией безопасности Латвии в апреле–августе 2018 года. Апелляционный суд через 8 лет отреагировал на мою жалобу и по указанию Сената Верховного суда стал её рассматривать по существу.

Да, демократия — хорошая штука, если она есть. В США запретили пытки после того, как в СМИ просочилась информация об издевательствах над заключёнными на военной базе в Гуантанамо. База эта хоть и находится на острове Куба, но её территория — под американской юрисдикцией. Так вот, американское законодательство пытки запретило, и ЦРУ, которое их практиковало, вынуждено было переместить свои тюрьмы на другие территории, в частности в Литву. Из тайной литовской тюрьмы информация об этих инцидентах просочилась, пострадавшему выплатили компенсацию, тюрьму якобы закрыли. Демократия — хорошая штука, если она есть.

Судебное заседание 14 июля живо напомнило мне события восьмилетней давности. Они удивительно схожи с известными мне из СМИ фактами пыток в Гуантанамо. На военной базе арестованных заставляли раздеваться и так держали сутками. Этот приём вёл к "мягкому" подавлению чувства собственного достоинства и ломал волю человека. Кроме того, заключённого держали в

наручниках, вынуждали "ходить под себя". Никаких следов физического воздействия нет — доказать факт пыток заключённый не может. Никаких протоколов об их применении, разумеется, не составляется. Это касается и угроз держать в тюрьме до тех пор, пока "проклятый афганский террорист не сгниёт".

Что я озвучил в апелляционном суде? То, что при задержании меня повалили на землю и надели наручники, хотя я не сопротивлялся. Здоровенный детина в маске потоптался на спине 64-летнего старика, а потом вымазал мне лицо чернозёмом, на который меня повалили. Мне не давали умыться при проведении обыска и допроса в квартире, чтобы я почувствовал себя грязью. Держали 11 часов в наручниках и не пускали в туалет, чтобы я "сходил под себя". Положение спасла адвокат, которая приехала через несколько часов на место обыска, в квартиру. Всё время обзывали меня не "проклятым афганским террористом", а "обезьяной" с добавлением нелитературных эпитетов.

Смена терминологии понятна — депутат сейма Э. Шноре ввёл в оборот эпитет для русских — "вши" — и призывал их "вывести из шкуры Латвии", то есть физически уничтожить. На моё заявление о том, что Э. Шноре (ныне опять депутат правящей партии в сейме) призывает к геноциду русских, ни полиция безопасности, ни прокуратура не отреагировали. Демократия — хорошая штука, когда она есть.

На эти пытки со стороны полиции безопасности я отреагировал записью в протоколе обыска о том, что подвергся насилию. Полиция безопасности на мои возражения не обратила внимания, провела новый допрос и, воспользовавшись тем, что временно вывела меня из адекватного состояния, включила в протокол запись о том, что я инкриминируемую мне статью о разжигании розни не распространял, а о преследовании русских и их страхе за свою судьбу писал. Это потом стало главным доказательством моей вины. Выражаясь юридическим языком, это самооговор под воздействием пыток.

В знак протеста против проявленной полицейскими жестокости я объявил голодовку и отказался подписывать протоколы. Прокурор А. Андреев в апелляционном суде 14 июля текущего года заявил, что я невнятно выразил свою волю и нечётко сообщил о пытках. Мол, записи в протоколе и объявления голодовки недостаточно. Да и голодовка была объявлена несвоевременно и никем не зафиксирована.

Интересно, а какие доказательства пыток американскому суду предъявляли узники Гуантанамо? И кто писал инструкции о том, как надо объявлять голодовку и когда? ЦРУ?

По поводу пыток я писал в МВД, в прокуратуру, обер-прокурору. Все они ответили, что нет справок с подписью и печатью о применении ко мне пыток.

А на жалобу о том, что ко мне в тюрьму приходили следователь с зам-

начальником полиции безопасности, не пригласив адвоката, и грозили меня "сгноить в тюрьме", если не признаю свою вину, ведомства не отреагировали. Оказывается, так можно. Это не пытки. Так сказал начальник полиции безопасности, выпутывая своего заместителя из истории, в которую он "вляпался", придя в тюрьму в нарушение Уголовно-процессуального кодекса. Интересно, а как руководитель ЦРУ "отмазывал" своих подчинённых, замаранных в организации пыток в Гуантанамо? Демократия хороша, когда она есть, а когда её нет — это плохо.

Да, а письмо, принуждающее меня к самоубийству, я, оказывается, написал себе сам. Правда, оперативники в Рижском центре эту угрозу восприняли серьёзно и поместили меня в одиночную камеру. Так это они просто инструкцию ЦРУ не читали о том, что так "ломают" политзаключённых в странах, где нет демократии.

Знаете, почему я так живописую события восьмилетней давности? Потому что практика пыток политзаключённых в Латвии продолжает процветать.

В феврале 2025 года меня как русского активиста в очередной раз кинули в застенки. Теперь Служба госбезопасности Латвии применила новую тактику. Мне на протяжении более трёх месяцев отказывали в медицинской помощи, несмотря на нестерпимые боли из-за воспаления почек. Опять я писал жалобы в прокуратуру, отказывался давать по-

казания, но получал ответы, что вот, к дерматологу же вас отвели! О том, что дерматолог не лечит воспаление почек, прокурор и суд почему-то не знали.

Вначале я думал, что лишён медицинской помощи из-за разгильдяйства медперсонала, но оказалось, что фельдшер, к которому я был приписан, является идеальным русофобом и решает таким образом русский вопрос в тюрьме. Картинка сложилась, когда меня приволокли на допрос к сотруднику СГБ, который предложил лекарства в обмен на признание в том, что я шпион. Об этом случае я тоже написал в прокуратуру — та стала "прятать концы в воду". Комиссия из незаинтересованных лиц, которая должна создаваться согласно инструкции ООН, не была организована. Суд первой инстанции на факт пыток внимания не обратил. Демократия — хорошая штука, только когда она есть.

Выходит, что опыт Гуантанамо латвийская правящая элита не усвоила и практика пыток спецслужбами политзаключённых, во всяком случае русских, продолжается.

При этом суд Рижского района, присудивший мне 10 лет заключения, обосновал сокрытие фактов пыток тем, что рядом с Латвией находится Россия и между ними идёт гибридная война. То есть русских, а конкретнее — русских активистов, можно брать в плен и пытаться. Конечно, без использования дыбы и испанского сапога. Ведь мы — Европа!

Вот уже прошло семнадцать месяцев с момента моего заключения в Рижский централ за то, что я осмелился осмыслить и озвучить желание русских сохранить свою этническую идентичность. Причём сделано это было в узком кругу, на научном семинаре, в форме развития концепции этноцида, то есть концепции, описывающей процесс уничтожения коллективной субъектности вообще, а русские бы приведены в качестве одного из примеров. Расправу совершали нечестивые, как их определял Давид в своих псалмах, то есть те, кто неравной мерой меряет людей, ставит себя выше Господа, когда определяет, надлежит ли другим этносам сохранять свою самость или их можно лишать права на коллективную идентичность.

Рассуждения об этноциде, коллективной идентичности и её разрушении достаточно абстрактны и простому человеку малопонятны. Посему опишу всё это в бытовых образах, какими они мне являлись в течение более семи десятков лет жизни.

ДЕТСТВО РУССКОГО ПАРНЯ В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Жил я с 1956 года в военном городке на окраине Риги, в Московском форштадте. Дружил и znalся с полусотней детей своего возраста. Во дворе играли в "казаки-разбойники", футбол, "воинушку". Последняя игра всегда шла с трудом: никто не хотел быть "немцем", потому что практически во всех семьях отцы воевали и рассказывали об ужасах этой войны. У многих фашисты и их пособники убили родственников, заморили голодом во время блокады Ленинграда, например.

Вместе с родителями мы время празднования 9 Мая пели песни "Катюша" и "Враги сожгли родную хату". Это были хрущёвские времена, и 9 Мая ещё не было выходным Днём Победы.

Все дети много читали — книги Н. Сосова, А. Гайдара, К. Федина, К. Чуковского, С. Маршака. Быть нена치анцами стыдились. По дороге в школу, а до неё надо было добираться пешком более получаса, я рассказывал одноклассникам содержание книг Майна Рида и Александра Дюма, которые запоем читал. Этим я завоевал себе авторитет, который другие зарабатывали в кулачных схватках.

В школе круг друзей и знакомых расширился до пары сотен человек. В 3-ю восьмилетнюю школу ходили дети не только из военного городка, но и из посёлка железнодорожников, а также дети строителей. Именно в это время на месте пустырей стали возводить первые многоэтажные хрущёвки — район Кенгарагс.

В школе учились русские, украинцы, белорусы, евреи, казахи, в основном приехавшие с родителями в Ригу после войны. Город нуждался в рабочей силе, поскольку часть его жителей бежала с немцами в Германию, часть была ими насильственно вывезена, местных евреев поголовно уничтожили, немцев-остзейцев депортировали перед войной. Мы, дети, себя русскими не чувствовали — мы были советскими детьми. Различий между русскими и другими этносами не делали. Латышей в ближайшем окружении было немного. За всё время жизни в Советской Латвии я не слышал в адрес латышей ни одного плохого слова со стороны окружающих.

Латышский язык в школе преподавали плохо, учителей латышского не было годами — они работали в русские школы не шли, как я уже потом выяснил. Те русские дети, кто жил в Московском форштадте, ближе к центру, по-латышски говорили. Они играли с латышами во дворе, и язык осваивался сам собой. Латышские дети таким же образом осваивали русский язык.

Школа, в которую я ходил недолгое время, была двухпоточной, русско-латышской, но потом её разделили, и нас перевели в 23-ю среднюю школу, чисто русскую.

Русской школа была достаточно условно. Русских песен мы на уроках музыки не учили, как и русских танцев. Латыши, как я видел во время существования второго потока, учили песни на своём языке, и все, включая парней, ходили на уроки народных танцев. Там им выдавали народные костюмы. Для русского школьника танцевать в народном коллективе считалось зазорным, да таких коллективов и не было.

Русские школьники читали русские газеты и журналы. Мне родители выписывали "ПIONEрскую правду", "Муззилку", а когда я стал постарше — "Науку и жизнь", журнал "Юный техник", "Юность", "Литературную газету". Русские школьники ходили в Театр юного зрителя, Русский драмтеатр. Сестра водила меня в Театр оперы и балета, филармонию. Но гораздо чаще мы все бегали в кино. Смотрели всё подряд. Основная часть фильмов была на русском языке, но с латышскими субтитрами. Фильмы Рижской киностудии демонстрировались на латышском, но дублировались и на русский язык. Они пользовались популярностью.

Ещё были районные библиотеки с широким набором книг на латышском и русском языках. В той из них, что на Московской улице, я перечитал, наверное, всю художественную литературу. Названия улиц и переулков в те времена были скорее советскими, чем русскими: Ленина, Энгельса, Маркса, латышских коммунистов — Вилиса Лациса, Андрея Упита, а площадь на берегу реки называлась именем Латышских красных стрелков. Это потом, после "песенной революции", у гранитного памятника сбили надпись и звёзды с трёх каменных фигур — личной охраны Владимира Ленина. Того самого, который первым признал независимость Первой Латвийской Республики в обмен на помощь в борьбе красных стрелков против русских белогвардейцев. Около этого памятника принимали отличников в пионеры. В основном это были латыши. Считалось, что так они приобщаются к интернационализму.

Всё, что я выше живописал, было не чем иным, как воспроизводством русской коллективной общины, пусть в сильно советизированном формате. Основная масса латышей добровольно под-держивала этот "красный" проект. Он вполне по-

зволял не только сохранять, но и развивать их этничность и при этом обеспечивал существенный рост благосостояния, поддерживал социальное равенство всех жителей республики.

Интернационализацию населения республики вели как русские, так и латышские коммунистические элиты. Детали этого процесса я уяснил позже, когда вступил в юный возраст.

ЮНОСТЬ РУССКОГО ПАРНЯ В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

После окончания школы я пошёл работать техником в ЦНИИ АСУ гражданской авиации. Институт составлял расписание для самолётов "Аэрофлота" по всему Советскому Союзу, и его разработки были вполне конкурентоспособны по отношению к ЭВМ, которая решала аналогичные задачи для самолётов США. Коллектив НИИ был преимущественно русским, поскольку набирали в него выпускников Рижского института инженеров гражданской авиации (ГВФ), готовившего специалистов для отрасли. Русскими были и те сотрудники, с которыми мне приходилось сталкиваться по работе.

КАК УБИВАЛИ РУССКУЮ ЛАТВИЮ

В 1973 году я поступил в Латвийский государственный университет им. Петра Стучки на русское отделение экономического факультета. Круг знакомых и друзей расширился до тысячи человек, не менее. В основном это были русские ребята, и они тоже образовывали вполне самодостаточную общность. В их числе были преподаватели, студенты, библиотекари, служащие предприятий, на которых я проходил практику либо подрабатывал, поскольку прожить на стипендию было сложно. Особенно широкий круг знакомств я приобрёл, работая летом в студенческих отрядах и возглавляя их. Как-то раз возил зональный отряд — 800 студентов — на уборку урожая в Молдавию.

Среди этой тысячи знакомых были в основном русские, а латышей, наоборот, — четверть. Они учились преимущественно в Академии художеств, консерватории, Елгавской сельхозакадемии, жили своей жизнью. Потом латыши устраивались работать на предприятия и в учреждения сельского и лесного хозяйства, в сферу культуры и образования, в энергетику, в коммунальное хозяйство. Русские работали в промышленности и строительстве, в авиации и на железной дороге. Каждая этническая община была самодостаточна, взаимоотношения между ними выстраивала коммунистическая элита. Эта элита была русско-латышская. Вилиса Лациса и Арвидса Пельше я видел на праздничных демонстрациях и парадах, а вот Бориса Пуго, Анатолия Горбунова, начальников отделов идеологии, культуры, образования, СМИ ЦК Компартии Латвии знал лично, с некоторыми был в хороших отношениях.

Они действительно заботились о том, как поддержать равенство в отношениях латышской и русской общин республики. И в своих действиях они опирались на реальную поддержку трёхсот тысяч коммунистов. В составе правящей элиты соотношение между латышами и русскими было один к двум, в корпусе коммунистов — два к одному.

В сложившихся условиях никто не мог сказать, что элиты осуществляют дискриминацию какой-либо этнической общины. Все имели равные гражданские права, равное отношение к средствам производства, равное право на использование своего языка, развитие своей культуры. Проблему переселения в республику жителей других республик, инородческого происхождения, создавали и решали сами латышские правящие элиты. Секретарь ЦК Литовской компартии Альгирдас Бразаускас сказал Москве "нет", когда рещался вопрос о размещении в республике крупных предприятий, требовавших привлечения иноэтничной рабочей силы.

Секретарь Август Восс согласился на строительство Рижской ГЭС, Вентспилского припортового завода, на развитие Рижского порта, расширение РВЗ, ВЗФ, "Радиотехники". Он выбрал рост доходов и благосостояния жителей республики, в том числе латышей. Наверное, он получил на это, пусть незримый, мандат от своего народа.

Латыши столкнулись со снижением рождаемости и ростом смертности в начале 1970-х годов. Секретарь ЦК КП Латвии разработал и внедрил программу улучшения демографической ситуации в республике. Эта программа дала свои результаты, и негативные демографические тенденции были переломлены. Источником средств для описываемой программы был рост материально-

го благосостояния, который обеспечили решения, принятые А. Воссом.

Была возможность выбора, и латышские коммунисты его сделали. В результате они получили в своё распоряжение развитую материально-техническую базу в экономике, передовую социальную инфраструктуру. Кто не помнит, в начале 1980-х среднедушевое потребление продуктов питания в Латвии было выше, чем в Бельгии, Дании, Великобритании, а продолжительность рабочего времени — меньше, чем в этих странах. Все имели работу. Не было бездомных и нищих. И это не цитата из коммунистической брошюры, а данные статистических сборников ДСГ, на основании которых я составлял программу развития народного хозяйства республики на 1985–2000 годы. Она, кстати, предполагала решение жилищного вопроса на основании роста объёма строительства. В настоящее время эта проблема решилась за счёт бегства за границу и вымирания населения.

ЗРЕЛОСТЬ И ВЛАСТЬ НЕЧЕСТИВЫХ

В начале 1990-х годов коммунисты предали свои идеалы и честь ради материальных благ и земной славы. Управлять республикой стали те, кто действовал не в соответствии с теми идеалами чести, что заповедовал Христос, — в этом смысле нечестивые. Этот период пришёлся на мою зрелость. Я работал в партийном аппарате и получил навыки общения с людьми. К этому добавился опыт многолетней работы в Академии наук на исследовательских должностях.

После проведения в 1988 году Пленума творческих союзов и трансляции его по телевидению и радио на всю республику стало ясно, что обществу навязывается модель устройства, которая

основывается на этнической дискриминации. Процесс инициировался извне.

Как заявил секретарь ЦК КПЛ по идеологии Анатолий Горбунов на одном из аппаратных совещаний, американцы вложили в Прибалтику около 10 млрд долларов для смены власти. Национал-коммунистов начали теснить эмигранты — национал-радикалы, которые стали возвращаться в республику. Они и принесли идеологию строительства этнически чистого общества. Сначала это были Гражданские комитеты, затем им удалось внедриться в Народный фронт. Технологическую поддержку этому движению оказывал небезызвестный американский политтехнолог и агент ЦРУ Джин Шарп. Помните его книжку "От диктатуры к демократии"?

От таких, как Д. Шарп, посыпались как из рога изобилия предложения: ввести институт неграждан, запретить обучение в высшей школе на русском языке, а потом сделать то же в сфере среднего образования. Не будем перечислять все эти известные приёмы. Вот как они коснулись лично меня.

Мне с друзьями удалось учредить партию "Центр демократических инициатив", провести четверть её состава в Рижский горсовет и десять процентов депутатов в Верховный Совет Латвии в 1990 году. Всё шло в рамках демократических процедур, но в 1993-м я был лишён прав гражданства, как и три четверти русского населения. Это был переход к политике этноцида, которую затеяли нечестивые в Вашингтоне и Лондоне и которую стали реализовывать их местные подручные. Взаем подручные получили право запускать руку в бюджет. Но под контролем западных спецслужб. Это был весьма действенный инструмент манипулирования ими.

В результате "чисток" высшей школы я быстро потерял возможность преподавать в Латвийском госуниверситете, который лишился имени главы первого советского правительства Латвии, а потом и в частном Балтийском русском институте. Дорога в Институт экономики АН Латвии была для меня закрыта из-за моих политических убеждений. Пришлось заниматься бизнесом — сначала научно-консультационным, потом — оптовой торговлей. В торговле дискриминация длительное время не наблюдалась. Всё решалось деньга-

ми, а если проблема была большой — большими деньгами. Особо охочими до денег считались инспекторы латышского языка. Они даже довольствовались продуктами "кабанчиками" — кофе, фруктами, упаковкой сосисок, но большой.

Русская интеллигенция, лишившись работы, потянувшись за границу или деклассировалась, переместилась на базар. Всё это было признаками деградации русской общины, и этот процесс стал следствием применённой к ней дискриминации.

Особенно остро дискриминация начала проявляться после старта так называемой реформы русских школ, то есть постепенного перевода их с русского на латышский язык преподавания, исключения из учебных программ изучения русского языка и литературы, истории русского этноса.

Как иначе назвать ситуацию, когда русские школы существовали на этой территории 250 лет и потом их ликвидировали, кроме как дискриминацией? Русских уверяли, что их ассимиляция пойдёт им на пользу, откроет дорогу к вершинам социальной лестницы. Но русские в это не верили! — выходили на многотысячные митинги и шествия протеста, голодали, писали петиции в международные инстанции. Благодаря этому ассимиляция была отсрочена на два десятка лет.

Точно такую же реакцию вызвала попытка радикалов запретить использование русского языка в публичном пространстве. Эта инициатива вызвала ответный референдум в феврале 2012 года. Абсолютно всё правоспособное русское население высказало желание придать своему языку статус второго государственного. Переход был отложен на полтора десятка лет.

В обоих случаях русские Латвии проявили себя как коллективный субъект, который осознал, что подвергается дискриминации, и предпринял действия для того, чтобы продемонстрировать своё несогласие с проводимой в отношении него политикой правящих элит. Все эти действия были осуществлены способами, которые соответствовали демократическим процедурам.

И в борьбе с реформой русских школ, и в проведении референдума о статусе русского языка я принимал активное участие. Потому что чувствовал

себя членом русской коллективной общности. Да ещё и был неоднократно избран её представителем в Русской общине Латвии, Объединённом конгрессе русских общин, Парламенте непредставленных.

Вот за всю эту деятельность нечестивые и преследовали меня, и в итоге приговорили к 10 годам тюремного заключения — практически к четырём пожизненным срокам, если учитывать мой небольшой возраст (72 года) и среднюю продолжительность жизни заключённого в тюрьме. Столь показательная расправа — это один из способов деструкции русской общины: запугивание её путём уничтожения лидеров.

Сложилась парадоксальная ситуация. Русские не имеют права жаловаться на то, что подвергаются дискриминации, ибо это может расстроить правящих. Долго думал, где я уже встречал подобную ситуацию. Вспомнил. Японцы насильно набирали в военные бордели тайваньских женщин. А чтобы никого не оскорблять, называли их "женщинами для утех". Так называемый эвфемизм. Обычное на войне дело. Никого не расстраивает.

Ещё одна мысль о коллективной субъектности русских в рассеянии: они вправе иметь собственную галерею героев, которым поклоняются и подражают. Это и Александр Невский, и Сергей Радонежский, и Зоя Космодемьянская, и Александр Матросов. Это Александр Пушкин, Барклай де Толли, Мстислав Келдыш, Пётр I, памятники которым снесли (демонтировали) в Риге в последние годы. Лишение русских людей памятников их героям есть грубое разрушение их идентичности. Это действие, как и закрытие русских школ, подпадает под нормы Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Рамочной конвенции о правах национальных меньшинств, Устава ООН. Но эта отговорка о том, что мы имеем дело всего лишь с "женщинами для утех", для людей, не лишённых совести и веры в христианские ценности, неубедительна.

Международная правовая система в отношении случаев этноцида не действует, но есть ведь Божий суд. И он погубит путь нечестивых, независимо от того, в какой стране и среди каких этносов эту политику собираются проводить.